

СО АН: ЛЮДИ И ГОДЫ

Осуществлённые идеи и планы на завтра

26 ноября члену-корреспонденту РАН Игорю Георгиевичу Неизвестному, очень уважаемому человеку, талантливому организатору науки и отличному учёному исполняется 80 лет.

Трудно удержаться от соблазна и не обыграть столь говорящую фамилию. Например, «Игорь Неизвестный — человек известный», что, впрочем, вполне соответствует действительности. Учёный авторитетен у коллег как специалист высокого класса в области диэлектриков и полупроводников. Другие его достоинства постараемся раскрыть в ходе повествования.

Первый этап научной биографии Игоря Георгиевича проходил в Москве, в ФИАНе им. П.Н. Лебедева. Хотя к науке он начал проявлять повышенный интерес ещё в студенчестве, в Московском энергетическом институте. По результатам дипломной работы вышла в свет первая научная публикация.

Шесть лет, с 1956 по 1962-й годы молодой специалист под руководством кандидата физико-математических наук А.В. Ржанова занимался вопросами, связанными с германием — главным на тот момент материалом для изготовления полупроводниковых приборов. Были результаты, о которых не зазорно докладывать на встречах с коллегами, расширение тематики и — свой вклад в полупроводниковые проблемы.

С 1962 года начинается второй, основной этап. Адрес: Новосибирск, Академгородок, Институт физики полупроводников Сибирского отделения.

— Игорь Георгиевич, вы в самом деле один из первых сотрудников Института физики полупроводников?

— Действительно самый первый! В качестве сотрудника института я прибыл в Академгородок раньше Анатолия Васильевича Ржанова, в августе 1962 года. Он был в это время в зарубежной командировке и появился только в сентябре. Президиум СО АН назначил меня заместителем директора 10 августа и я, можно сказать, с ходу взялся за работу, связанную с созданием Института физики твёрдого тела и полупроводниковой электроники (так он поначалу именовался).

— Наверное, сложновато было? Всё-таки новое место, новый профиль работы, высокая должность. Не боялись ответственности, вам ведь всего 30 лет исполнилось?

— Но я же перебрался в Новосибирск с Анатолием Васильевичем Ржановым, а с ним ничего не страшно! Да и сам я по молодости лет был не из робкого десятка!

— Но начинать с нуля столь масштабное предприятие! Что требовалось прежде всего?

— Полная отдача! Городок уже был настроен на соответствующую волну, стройка шла полным ходом, и вдохновляющих примеров было предостаточно.

Естественно, меня буквально сразу взяли в оборот проектировщики нового, специального корпуса. Работа предстояла сложнейшая. Анатолий Васильевич ещё в Москве поставил им условие, что необходимо создать полупроводниковый комплекс нового образца — уникальный термостатированный корпус с лабораториями, оснащёнными по последнему слову науки и техники, и всеми необходимыми вспомогательными подразделениями.

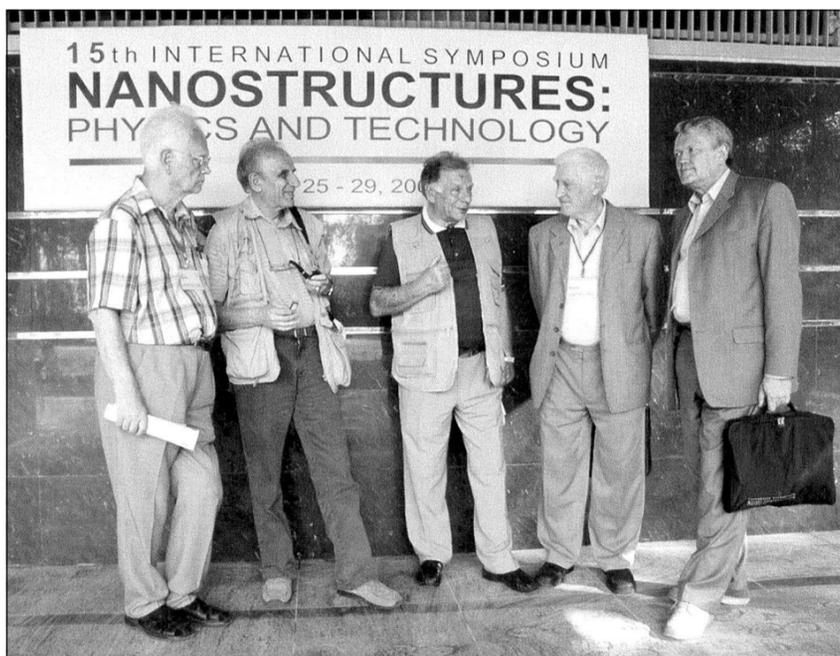
Можно даже сказать, что сооружение термостата — почти ювелирная операция, требующая подготовки специфических условий. Прежде всего, должна быть абсолютная чистота без единой пылинки, кондиционеры, специальное покрытие стен, полов. В механизмах — никаких трущихся деталей.

— А что, подобного спецкорпуса ранее не было?

— Все полупроводниковые производства — обычно огромные залы, цеха, с пультами, операторами. А тут — академический институт, нужны отдельные лаборатории, желательное с видом из окна, офисы разного назначения, мастерские.

Проект воистину был грандиозным! С 1962 по 1969 год занимались термостатированным корпусом. По завершении эпопеи строители подарили символический ключ. Видите, висит на стене.

Что усугубляло положение? До 64-го года я был единственным замом, а из служб при мне — только бухгалтер. Приходилось заниматься сразу всеми сторонами жизни —

кадрами, оборудованием, жильём. Но когда наш Институт физики твёрдого тела и полупроводниковой электроники объединили с Институтом радиофизики и электроники и стал он Институтом физики полупроводников, заметно полегчало. Появились ещё замы, все положенные административные подразделения.

— Подождите, Игорь Георгиевич, а когда же вы первую диссертацию одолели при такой сложности бытия?

— За шесть лет работы в ФИАНе материал набрался. И я всё время мучительно думал — надо, надо выкроить время, завершить, оформить. В 1966-м, можно сказать, заштилел на бегу.

— Ваша активная деятельность по созданию института была замечена и отмечена?

— В 71-м награжден орденом Трудового Красного Знамени.

— Сколько же лет вы в замах состояли?

— Да считай, всю жизнь в Сибири! Была небольшая передышка. В 1973 году, когда закончилось формирование основного костяка лабораторий и вспомогательных подразделений, попросился из заместителей — надо было, наконец, за докторскую серьёзно взяться. Анатолий Васильевич очень сокрушался, но отпустил на несколько лет — до защиты! Только порой привлекал к решению того или иного вопроса.

— У вас было полное взаимопонимание?

— Абсолютное! Я попал к нему ещё будучи студентом и считая Анатолия Васильевича своим главным учителем, как в работе, так и в жизни. А.В. Ржанов выбрал нас из первого выпуска Московского энергетического института по новой специальности «диэлектрики и полупроводники».

Работать с таким директором — одно удовольствие, и я ещё не раз обращусь к этой легендарной личности. Он очень четко строил отношения с замами — делегировал права и вмешивался только в крайнем случае, не дёргал, не поправлял по мелочам. Самое страшное было услышать от него: «Игорёк, ты здесь сработал непрофессионально». Мучился я тогда после укора целую неделю.

— На что потратили время передышки?

— Создали крупную лабораторию физики и технологии германиевых МДП структур из пяти групп. Занимались материалами для изготовления полупроводниковых приборов. И до защиты, и после основная область — германиевые транзисторы и разработка высокочувствительных многоэлементных фотоприёмников инфракрасного излучения, включающая много ответвлений.

— Ощутимых результатов удалось добиться?

— В 1995 году нам с коллегами вручили Государственную премию за открытие и исследование нового класса фоточувствительных полупроводниковых материалов.

Сотрудники в лаборатории были замечательные, особенно руководители групп — В.Н. Овсюк, С.В. Покровская, Ю.Г. Сидоров, В.Н. Шумский, М.П. Синоков. Многие стали завлабами. Талантливые учёные! Горжусь их успехами и достижениями и тем, что в определённом смысле могу считать их своими учениками.

А.В. Ржанов всегда повторял: «Готовьте смену!» Я весьма удивлялся — какая, мол, смена, когда я ещё сам совсем молодой? А он напоминал, что в жизни разные ситуации случаются: да, сейчас ты молодой и красивый, но рядом обязательно должен быть человек, который ходит в курс дела, знает и умеет то же, что и ты (а может и лучше). От замов своих того же требовал — не следовать принципу «после нас хоть потоп», а заботиться о смене.

Вернулся к обязанностям заместителя директора по науке через семь лет, в 1980-м, и вплоть до 2004 года оставался на этом посту.

— Комфортно было столько лет находиться на командирской должности?

— Ответу положительно. Круг обязанностей замов известен. Директор в основном — общение с вышестоящими органами, порой трудное и изматывающее, переживания за судьбы подчинённых, стратегия, решение глобальных проблем. А наша доля — текущая жизнь института со всеми сложностями. Мы, замы, должны быть тем надёжным плечом, которое в случае необходимости следует вовремя подставить. Я был замом при трёх директорах.

— Все-таки организаторские способности должны быть в человеке заложены?

— Несомненно. И, по-моему, обделён ими не был. К тому же, ФИАН, — отличная школа,

и я, в силу своей натуры, всегда активно занимался общественными делами. Помню, на столе у Анатолия Васильевича то и дело звонил телефон — меня требовали. Наконец он не выдержал, переставил аппарат.

— Были крупной фигурой на общественной ниве?

— Крупной назвать нельзя. Одно время — председателем спортсовета ФИАН. Институт — сложная организация в несколько тысяч человек. Имел право финансовой подписи по расходованию немого бюджета. Потом стал председателем клуба подводного плавания уже всей Академии.

— Но это всё-таки не самое главное при назначении на должность. А фундамент?

— В МЭИ готовили настоящих командиров производства, высококвалифицированных инженеров, знакомых со многими дисциплинами, владеющих рабочими профессиями на уровне низшего разряда. И когда однажды кто-то в мастерских сказал мне, что деталь за такое время изготовить невозможно — я встал за станок и сделал. В следующий раз подобных заявлений не было.

Приобрел в вузе и военную специальность — электрооборудование самолётов. На практике, в военных лагерях, нас ставили на штатные должности, например, инженер эскадрильи.

Но, в то же время, наше образование давало возможность решать и другие инженерные задачи. Помню первое задание, которое дал командир полка во время двухмесячных сборов — проложить через лес 2 км узкоколейки. Прекрасно с ним справились.

Мы учились в знаменательное для полупроводников время — в 1953-м вышло постановление о создании первого промышленного полупроводникового института (ныне «Пульсар») и о подготовке инженеров соответствующего профиля. За три года в наши головы вложили столько всего полезного и сложного, что даже непонятно, как всё это уместилось. А.В. Ржанов, подбирая кадры к себе в группу, старался соблюсти баланс академических и инженерных знаний.

А когда мы здесь, в Академгородке, начинали набирать другого опыта, очень помогали работающие в службах Сибирского отделения профессионалы высочайшего класса: Лев Георгиевич Лавров — деликатный, тактичный, знающий; Борис Владимирович Белянин, великий инженер и организатор, Герой Социалистического Труда. Они прошли школу промышленности. Главным инженером УКСа был замечательный специалист-строитель А.С. Ладинский.

— Похожий на сказочного Деда Мороза...

— А начальник отдела кадров Сибирского отделения В.Г. Сорокин? Первых сотрудников в институт принимали у него в кабинете — тогда всё руководство находилось в Новосибирске. В мастерские нужен был сварщик, пришел один, говорит, с большим опытом. Сорокин отказал. Я спросил — почему? «А ты видел, как у него руки дрожали, когда заявление писал? Какой из него сварщик!»

